Сания Жамбусинова: «Семь раз примерь»

десять вопросов самому себе

1. Журналистика — это...

Чтобы честно ответить, что же такое, журналистика для меня, второй вопрос поставила бы на первое место... Это возможность встречаться с людьми — разного возраста, статуса, вероисповедания. Познавать и узнавать каждый раз новое.

2. Почему вы пошли в журналистику?

До прихода в газету 12 лет работала в школе. Преподавала русский язык и литературу. И ведь нравилось. Правда, и школа была другая, и отношение к учителям не сравнить с сегодняшним. Кстати, мои бывшие ученики работают во многих сферах, и многие, что называется, при должностях. Это помогает быть в курсе многих событий, даёт возможность владеть информацией, которая помогает в редакторской должности. Как ни крути, редактор районной газеты — немного политик местного разлива.
В редакцию пришла временно. Когда переехала с семьёй в Карталы, это был ноябрь 1985 года, в школе не было вакансии. В редакцию позвала соседка, которая работала там бухгалтером. «Поработаешь немного, чего без дела сидеть», — сказала она. С тех пор без дела не сижу... Спасибо за это Александре Семёновне.

3. Кого из героев материалов вашего издания вы помните и почему?

Помню многих. Город у нас маленький, и все друг друга знаем. А вот сдружила меня моя профессия

Сания Рахмеджановна Жамбусинова, главный редактор АНО «Редакция "Карталинская новь"» (газета, ТВ, сайт)
Родилась в 1954 году 15 августа в селе Ольховка Карталинского района Челябинской области. Образование: училась в Магнитогорском пединституте (так и не окончила)
Южно-Уральский институт управления и экономики
Работаю в редакции «Карталинская новь» с ноября 1985 года, но в штат принята в январе 1986 года корреспондентом. В 1990-м переведена завотделом. С августа 1997-го — главный редактор. Замужем больше 40 лет. Мама двух дочек, бабушка трёх замечательных внуков.

с одним очень интересным человеком. Мардашев Владимир Павлович, которого директор совхоза порекомендовал как человека работящего, но с «приветом», встретил меня на поле не очень дружелюбно. «Ходят тут всякие, от работы отрывают» — так и читалось в его прищуренных глазах. А когда я, пнув ногой плуг, спросила, что с этой штукой они делают, он долго мне рассказывал, что это борона и этой «штукой» они сеют всякие семена, чтобы поля не пустовали. Бригада его, похихикивая, замерла в предвкушении. А наш фотокорреспондент делал немыслимые пируэты, как он потом говорил, чтобы вывести глупую журналистку с опасной тропы.

Я не то чтобы знаток сельского производства, но, как деревенская по рождению, плуг от бороны отличала немного. Байку про посев бороной — а они, отложив дела, минут сорок «вешали лапшу — выслушала, не перебивая.
Потом просто предложила поговорить «за жизнь». «Бог с ним с вашим плугом, да и читателям не особо интересно, чем он и борона отличаются от сеялки, а вот что вы думаете о будущем села, почему создали бригаду интенсивного труда и чем она отличается от обычной, почему вас считают бунтарём — это любопытно.
От в самом деле богатырского хохота разлетелись все вороны, которые вили гнёзда в ближайшем березняке.
А потом мы дружили много лет до самой смерти Владимира Павловича. Когда бывал в городе, он всегда находил время забежать в редакцию. Несколько раз, помню, приезжал специально поговорить, излить душу, как он говорил.

4. Вы считаете себя свободным от самоцензуры?

Нет, не считаю. И это не трусость, мне кажется. Журналист ты или редактор, нужно понимать, как твоё слово «аукнется». Семь раз примерь — один отрежь, это правильное кредо жизни.
Как это уживается в характере авантюристки, способной с полоборота увлечься революционными идеями, — не знаю. Есть откуда-то понимание, что ранить словом, действием, следствием от себя и других — разные вещи. Хотя, если честно-честно, то не удерживаюсь иногда от едкого слова...

5. Что (или кто) помогает не терять веры в себя и в профессию?

И в профессию, и в себя в профессии я верю. Бывают минуты уныния, но что минуты против 30 лет стажа в журналистике? Говорят, газеты умирают, говорят, ваша профессия вторая древнейшая и ещё много разных глупостей говорят. Всегда отвечаю: «Умрут газеты, будет Интернет, ещё что-то, главное — надо быть готовыми к переменам. И коли она у нас древнейшая, значит, пережила разные времена, переживём и теперь».
Это я о смерти газет.

6. «Если не журналистика, то...» — или где вы ещё можете принести пользу?

Помню, в школьных сочинениях всегда писала «буду разведчиком». Это скорее, чтобы не как у всех — «стану врачом, учителем..» Но, наверное, рукой человека водит Провидение. Журналистика и разведка — немного похожи, правда?
Вот задумалась: где бы ещё, если не в журналистике? Выше написала, что работала в школе и это мне нравилось. Но судьба увела в редакцию. Значит, так тому и быть.
Думаю, из меня получился бы и неплохой ландшафтный дизайнер, а ещё просто супер- «выращиватель» цветов и огурцов.
Мне кажется, что могла бы стать хорошим политиком.

7. Как вы отдыхаете?

Пассивно. Тупо лежу на «пляжу». Прийти в себя от потрясений и обид могу только в полном одиночестве, лёжа на любимом диване лицом к стене. Родные это знают и оставляют в полном покое. Правда, к счастью, такое бывает редко. Я редкая оптимистка, о таких у нас говорят «полная дура»...

8. Какие хулиганские поступки вы совершали в детстве или юности?

Много чего было в моём детстве. Это же давно было. И поступки в сравнении с нынешним хулиганством — так, пустяки. Кто знает, что такое стукалка? Это когда на нитку привязывали что-то тяжёленькое и стучали в окно молодожёнам или одиноким тёткам.

Реакции были разные. Однажды, это тоже школьные годы, уговорили с подругой весь класс пойти на кладбище и проверить рассказ учителя о выделении какого-то газа на свежих могилах. Уже не помню, в связи с чем был этот рассказ. Пошли с ней раньше, закутались в простыни и спрятались у ворот. Пройти дальше к могилам побоялись.

И вот идут ребята, и мы не поняли.... Шум, крики, плач, визг — всё смешалось. Оглядываемся, а от могил плывут какие-то фигуры. Как мы мчались с подругой через лес и не переломали ноги, одному Богу известно. Оказывается, дома одна из одноклассниц проболталась про эксперимент и её старший брат с друзьями тоже решили пошутить...

А как, уже работая в редакции, имея двух дочек-школьниц, ночью расклеивала с такими же авантюристками листовки против одного из глав, расскажу в мемуарах.

9. Ваше самое яркое воспоминание?

Рассказы моего отца. Он много читал, ездил, имел много приятелей. Телевизоров в моём детстве не было, и он, чтобы нас, пятерых детей, занять, рассказывал о Ленинграде, почему-то о маршале Жукове и легенду о кыз Жибек (казахский фольклор) с продолжением.
Яркое впечатление более позднее, гораздо позднее — рождение первого внука. Это был такой восторг, такая переполняющая радость... Это было что-то, что трудно описать словами. И почему-то я сразу знала, что родился Матвей. Это имя удивительным образом подходит внуку.
Рождению внука Ильи и внучки Алины тоже радовалась. Но это уже было более спокойное состояние.

10. Ваши любимые: книга, фильм, песня, блюдо, напиток?

Любимую книгу назвать трудно. В принципе люблю читать всё подряд, под настроение. Достоевского, к примеру, в школе так и не осилила. И желание прочитать, быть в «тренде», пришло всего несколько лет назад. И самой себе не верю, «Преступление и наказание» прочитала за два дня. Время от времени перечитываю Моруа. Больше всего нравятся его рассказы. Одно время зачитывалась романами Джудит Макнот. «Маленькую хозяйку большого дома» Джека Лондона перечитываю бесконечно. Нравится «Каменный пояс» Евгения Фёдорова. Кстати, у меня неплохая домашняя библиотека.
Фильм, который не надоедает, это, пожалуй, «Гараж».
Люблю вообще песни слушать. Часто — фоном. А вот одна песня вызывает всегда ностальгию, это — «Тёмная ночь». Эту песню любил отец и часто её насвистывал, когда работал с деревом. Прямо в глазах: « Лето. Солнце. Отец в клетчатой рубашке, за ухом карандаш. В руках рубанок.
И «Тёмная ночь».
Люблю молодую картошку с хрустящим огурчиком и чёрным хлебом, посыпанным крупной солью. Воду предпочитаю всем сокам и морсам. Иногда пью коньяк. В последнее время пристрастилась к кофе.

Фото редакционного коллектива — на второй внутренней обложке.

&